

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ СПРАВЕДЛИВОЙ ПРОЦЕДУРЫ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА — «ЗАПАДНЫЕ ЦЕННОСТИ» ИЛИ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ?

Современные геополитические процессы вновь актуализировали проблему выбора главных ориентиров развития российской правовой системы в целом и российского правосудия в частности. В официальных заявлениях руководителей государства и государственных органов, осуществляющих любые виды юрисдикционной деятельности, сегодня звучат заявления о необходимости преимущественной ориентации развития российского общества на национальные интересы России, на свою историю, на потребности российских граждан и их объединений. В этом же контексте сегодня достаточно распространены негативные оценки зарубежного законодательного и правоприменительного опыта, который не всегда способен адаптироваться к российской действительности. На этой же почве отдельные авторы требуют пересмотра каких-то уже состоявшихся законодательных и организационных решений как не соответствующих российскому национальному менталитету и нарушающих преемственность в развитии Российского государства и общества¹.

Выход России из Совета Европы и обязательные последствия этого выхода в виде денонсации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и выхода из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (далее также и ЕСПЧ) требуют сегодня от профессионального юридического сообщества некоторой переоценки возможных и допустимых способов решения проблем отечественного правосудия. Понятие «международные стандарты справедливой процедуры судебного разбирательства» в таком варианте стало архаизмом.

¹ Азарёнок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук (специальность: 12.00.09). Омск, 2021. С. 10, 11, 21 и др.

С начала текущего столетия в теоретических исследованиях и при обобщении правоприменительной практики для разных целей стали привычными обращения авторов такого рода исследований к практике ЕСПЧ, его правовым позициям. При разном отношении к этой практике многих авторов — от горячей и безусловной поддержки до крайнего неприятия с самой разнообразной аргументацией — никто в специальной литературе никогда не ставил под сомнение значимость этой практики для объективной оценки процессов и явлений в нашей системе уголовной юстиции. Едва ли нуждается в специальном обосновании тот факт, что дискуссии по этому поводу, как правило, перегружены идеологическими компонентами, которые нередко вытесняют собственно юридическое содержание этих дискуссий. И здесь возникает опасность, известная человечеству с древнейших времен, — «выплеснуть вместе с водой и ребенка».

Попытаемся абстрагироваться от идеологических мотивов в анализе собственно юридических составляющих «международных стандартов справедливой процедуры судебного разбирательства». Удалим для объективности такого анализа даже определение «международные» из их названия, сочтя случайным тот факт, что в течение четверти столетия в специальной литературе эти юридические составляющие рассматривались в неременной привязке к ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В нашем контексте это не главное. Главное же то, что и в истории всего человечества, и в истории российского народа правосудие всегда воспринималось как синоним справедливости. Даже когда практика разбирательства судами конкретных дел такую синонимичность ставила под сомнение, надежда на справедливый суд оставалась частью менталитета народа любой страны. И российский народ, конечно же, не исключение.

Назовем юридические составляющие справедливой процедуры судебного разбирательства, сознательно избегая принятой юридической терминологии, с

тем чтобы подчеркнуть общечеловеческую, а не только профессиональную юридическую значимость всего названного.

1. Суд создан для разрешения спора, а не для расправы над теми, кого кто-то конкретный, не являющийся судом, считает преступником.

2. Представший перед судом человек считается невиновным до тех пор, пока на виду у всех в понятной всем, а не только профессиональным юристам и, тем более, представителям государства форме не будет несомненно доказано, что преступником является именно конкретный подсудимый, а не кто-то другой.

3. Тот, кто обвиняет, обязан доказать виновность в совершении преступления того, кого он обвиняет.

4. Каждый, кто предстал перед судом по обвинению в преступлении, имеет право и фактическую возможность защищать себя сам и с помощью профессионального правозащитника, и его доводы, приводимые в свою защиту, должны быть опровергнуты тем, кто обвиняет.

5. Каждый, кто участвует в судебном разбирательстве и заинтересован в нем и его результатах, имеет право высказать свое мнение по любым вопросам рассматриваемого дела и реальную возможность быть услышанным судом.

6. Ни одно из высказанных в суде суждений, ни один из представленных аргументов суд не вправе молча игнорировать. Принимаемые судом доводы закладываются в основу властных решений по делу, отвергнутые доводы оговариваются в судебном решении с обязательным указанием, почему они были отвергнуты.

7. Происходящее в судах должно быть понятно любому заинтересованному лицу независимо от владения им языком судопроизводства, способности или неспособности отстаивать свои интересы самостоятельно и других факторов, прямо не обусловленных желанием либо нежеланием этого лица воспринимать происходящее.

8. Судебные решения должны быть мотивированными и изложенными в такой форме, которая позволяет понять обоснованность этого решения любому здравомыслящему дееспособному человеку. Все доказательственные предпочтения суда должны быть объяснены в тексте судебного решения.

Такое представление о компонентах справедливой процедуры отчасти закреплено в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ, отчасти вытекает из системного толкования норм российского уголовно-процессуального законодательства, отчасти просто обусловлено соображениями здравого смысла. Представляется абсолютно не важным, кто именно провозгласил эти нормы, кто и в каком документе их закрепил. Ссылка на соответствующие решения ЕСПЧ в какой-то мере избавляла ссылающегося от апелляций к разуму адресатов его обращений и к соображениям здравого смысла, а нередко и просто от обоснования собственных суждений и выводов. И напротив, противники распространения практики ЕСПЧ на территории России и ее имплементации в том или ином варианте в российскую национальную правовую систему отвергали всю эту практику по мотиву источника происхождения и зачастую не утруждали себя контраргументами, которые, прозвучав, вполне могли бы войти в противоречие со здравым смыслом.

Приведем в качестве примеров несколько соображений, фигурировавших в разные годы в более или менее известных решениях ЕСПЧ в отношении системы уголовной юстиции России.

1. Содержание в следственном изоляторе обвиняемого, заключенного под стражу на предварительном расследовании (то есть когда он по российскому закону еще считается невиновным), в условиях, когда у него нет спального места, доступа к медикаментам, необходимым ему для ежедневного применения, средств личной гигиены, пищи и воды, приемлемых для употребления без угрозы жизни и здоровью, и тому подобного, приравнивается

к пытке и может быть использовано недобросовестными сотрудниками правоохранительных органов для склонения обвиняемого к самооговору или получению иных выгодных для них показаний.

2. Когда человек, заключаемый под стражу, попадает в «сферу исключительной компетенции государства», то есть в места лишения свободы, на государстве лежит обязанность произвести медицинский осмотр заключенного с тем, чтобы снять с себя ответственность за любые телесные повреждения, возникшие до фактического заключения под стражу, и одновременно принять на себя ответственность за телесные повреждения, возникшие после этого. Государство в лице его уполномоченных органов, по российскому законодательству, обязано обеспечить содержание лица под стражей в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью.

3. Если человек, содержащийся под стражей, не высказывает и не пишет жалоб на плохие условия содержания и побои со стороны сотрудников, то удовлетворенность собственным положением не является единственной причиной отсутствия жалоб. Человек может не высказывать жалоб на избиение осматривающему его врачу, потому что при этом осмотре присутствуют те самые сотрудники, которые его избивали. Человек может не писать жалоб в прокуратуру, потому что не знает ни одного случая, чтобы такая жалоба помогла кому-то из его знакомых, но при этом знает несколько случаев, когда у заявителя жалобы возникали неприятности со стороны администрации места лишения свободы еще до ее подачи.

4. Если в суде были оглашены показания свидетеля, не явившегося в суд, и эти показания положены в основу обвинения, то суд, рассматривающий уголовное дело, не вправе отказать стороне защиты в ходатайстве об исследовании в судебном заседании письменных объяснений того же свидетеля, представленных защитой в суд. В случае если суд не сочтет возможным доверять таким объяснениям, то он обязан мотивированно отвергнуть их в

тексте постановляемого решения с указанием, почему он не считал возможным доверять оглашенным в суде показаниям, полученным на предварительном расследовании, то есть вне процедуры судебного разбирательства и вне возможности контроля их получения со стороны защиты.

Важно отметить, что для всех описанных здесь правил и обыкновений при желании можно найти обоснование и в тексте действующего уголовно-процессуального закона Российской Федерации. Все сказанное — это лишь частные случаи проявления общеизвестных и доступных для всеобщего понимания принципов существования судебной власти и правосудия.

Едва ли можно спорить с тем, что суд и судебные процедуры как раз и существуют для того, чтобы каждый, кто участвует в этих процедурах, был услышан. Смысл существования специально созданных органов судебной власти в любом государстве состоит в том, чтобы никто другой не мог присвоить себе монополию на истинное знание, исключительное право на принуждение без обоснования его необходимости в судебных процедурах. Бытовавшая в разные исторические периоды разных государств максима «органы зря не задерживают» неизменно опровергалась самим ходом истории этих государств. «Органы» обретали вид «оборотней в погонах» или каких-нибудь «цепных псов самодержавия», и вдруг выяснялось, что сосредоточенная в руках конкретных представителей этих органов бесконтрольная власть использовалась ими вовсе не для защиты публичного интереса, как было принято считать, а для собственного обогащения, решения личных карьерных и иных конъюнктурных задач.

Гласная и состязательная процедура судебного разбирательства, участие в ней непрофессиональных и не «служилых» представителей общества, мотивированность и общедоступность судебных решений — это гарантии от произвола недобросовестных чиновников, которые были, есть и будут всегда. Универсальные стандарты справедливой процедуры судебного разбирательства

не были никем выдуманы в одночасье. Они стали результатом многовекового развития взаимоотношений государства и человека независимо от географического расположения участников этого взаимодействия. Российское общество нуждается в справедливом правосудии сейчас, как никогда, ибо оно — залог доверия народа к государству, его лидерам и их действиям.